

ПОЛТАВСКІЯ Епархіальныя Вѣдомости.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

ПОУЧЕНІЕ

въ недѣлю Свв. Женъ-Мироносицъ.

Наступила вторая ночь послѣ погребенія Сына Человѣческаго.

Близился разсвѣтъ. На востокѣ алѣла заря, но луна еще не успѣла исчезнуть съ небосклона и обливала землю слабымъ потокомъ своихъ блѣдныхъ лучей.

Иерусалимъ тихо спалъ.

По пустыннымъ улицамъ города быстро шли женщины. Это были благочестивыя жены, слѣдовавшія за Божественнымъ Учителемъ изъ Назарета. Слѣдомъ за Нимъ пришли онѣ изъ Галилеи въ Иерусалимъ на праздникъ пасхи и были невольными свидѣтельницами Его мучительной смерти на крестѣ.

Когда друзья Иисуса—Его ученики въ страхѣ и смятеніи разбѣжались, онѣ не убоились открыто признать себя близкими къ Распятому. Онѣ все время стояли у Его креста и вмѣстѣ съ Богоматерію оплакивали Его страданія и смерть.

Когда тайные ученики Христа—Иосифъ съ Никодимомъ, бережно похоронивъ въ пещерѣ пречистое тѣло Его, разошлись по домамъ, благочестивыя жены остались у гроба.

И до поздней ночи ихъ глухія рыданія и тяжелые вздохи слышались въ саду Иосифа.

Въ глубокой скорби прошла для нихъ великая пасхальная суббота.

Лишь открылись вечеромъ въ субботу первыя двери торговли, благочестивыя жены купили ароматы и на утренней зарѣ, преодолевая стыдъ и страхъ, успѣшно направились въ садъ Иосифа, чтобы помазать тѣло Иисуса.

Путь былъ не близкій.

Охваченныя горячимъ желаніемъ еще разъ взглянуть на дорогого Учителя, еще разъ поплакать надъ Нимъ, оказать Ему послѣдній долгъ любви, жены лишь дорогою вспомнили о тяжеломъ камнѣ у гроба.

— Кто отвалить намъ камень гробницы?—думали онѣ, вѣдь онъ великъ и тяжелъ.

Но тамъ, гдѣ дѣйствуетъ любовь, само небо идетъ на помощь.

Дойдя до пещеры, жены въ изумленіи остановились: камень былъ отваленъ и на немъ сидѣлъ дивный юноша въ свѣтлой одеждѣ.

Трепетъ охватилъ ихъ.

— Что ищете живого среди мертвыхъ, слышать онѣ краткій голосъ юноши,—Христось воскресъ изъ мертвыхъ. Идите, возвѣстите о семъ Его ученикамъ.

Юноша исчезъ.

Нѣсколько мгновеній жены стояли въ оцѣпенѣніи. Радость и вмѣстѣ скорбь наполнили ихъ сердца. Христось воскресъ! Онѣ шли ко гробу, чтобы хоть разъ еще увидѣть дорогія черты, хоть разъ еще побыть близъ Него, а Его вотъ нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ и больше никогда съ ними не будетъ...

Въ душевномъ смятеніи возвращаются онѣ отъ гроба, и вдругъ на дорогѣ предъ ними воскресшій Иисусъ.

— Радуйтесь! привѣтствуетъ онъ ихъ.

— Учитель, дорогой Учитель, восклицаютъ онѣ и въ радостныхъ слезахъ падаютъ къ Его ногамъ.

Итакъ, женщины первыя узнали о воскресеніи Господа.

Рано утромъ пошли онѣ на гробъ, чтобы ароматами обвѣять мертвое тѣло Іисуса, и нашли Воскресшаго.

Желали взглянуть хоть на погребеннаго, и лицомъ къ лицу встрѣтили Возставшаго.

Непостижимость превышающей ихъ разумѣніе тайны въ первыя минуты сковала ихъ уста, но затѣмъ онѣ явились первыми благовѣстницами міру радости Воскресенія. Онѣ были посланы въ качествѣ апостоловъ къ самимъ апостоламъ, чтобы возвѣстить имъ слышанное отъ Ангела: „Христосъ воскрес“!

Евангеліе вѣчно. Оно отражается, какъ законъ жизни, во всѣ вѣка и въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ нашихъ душевныхъ переживаній.

И теперь женщины скорѣе, чѣмъ ихъ мужья и братья, идутъ на встрѣчу Христу, больше ищутъ Его, чаще вслушиваются въ Его святые слова, иначе говоря, больше Его любятъ.

Да оно и понятно: у мужчинъ отъ житейской борьбы сердце черствѣе, душа грубѣе. У женщинъ-же душа еще не изношена борьбой, и потому мягче и чище, сердце нѣжнѣе, отзывчивѣе на все доброе и хорошее. И онѣ тянутся ко Христу, какъ цвѣты къ солнцу.

Но нужно говорить правду — женщины въ этомъ направленіи мало чѣмъ вліяютъ на жизнь.

Сами-то онѣ тянутся ко Христу, ищутъ Его, но окружающую жизнь мало двигаютъ на встрѣчу Христу.

Онѣ лучше молятся, глубже чувствуютъ Господа въ глубинахъ своихъ душъ, сильнѣе жаждутъ правды Божіей, но все это ограничиваютъ своимъ внутреннимъ я, и не проводятъ этого въ міръ, мало — такъ сказать — христіанизируютъ міръ.

Наша обыденная жизнь теперь вообще какъ-то ужъ слишкомъ оторвана отъ Христа. Христосъ — Самъ по себѣ, а мы сами по себѣ...

Въ книгахъ записаны мы христіанами, въ церковь ходимъ, обряды исполняемъ, говѣемъ, причащаемся, но все это является какимъ-то бездушнымъ формализмомъ, однимъ холоднымъ исполненіемъ обряда и никакого измѣненія въ нашу

обычную жизнь, въ наше настроеніе это не вносить. Мы какъ-то не впускаемъ, не принимаемъ Христа въ свою жизнь.

Мы, напримѣръ, всё носимъ крестъ на шеѣ, но Богъ-то въ душѣ не у всѣхъ есть, и Христовыхъ дѣлъ у насъ не много.

„Богачъ обидѣлъ бѣдняка. Пришелъ къ богачу обиженный и говоритъ: что ты дѣлаешь? бойся Бога, или и Бога-то у тебя нѣтъ? Богачъ указаль рукой въ углу на икону Христа и промолвилъ: чай не слѣпой, видишь“.

Икона у него была, но былъ-ли Богъ въ душѣ?

И у насъ, у всѣхъ есть иконы, горять предъ ними и лампы,—но мы ежедневно и даже ежечасно попираемъ за вѣты Бога, отрицаемъ уставы Его святой церкви...

У насъ христіанство только по праздникамъ и въ храмахъ.

Были у насъ великіе дни. Хоронили Того, Кто жизнь Свою положилъ за міръ. Въ храмахъ лежала Плащаница. Мы стояли около Нея, орошали ее слезами, украшали цвѣтами, лобызали и давали обѣты идти за Христомъ по Его скорбному пути.

А чрезъ нѣсколько дней—цвѣты завяли, слезы высохли, обѣты забыты и даже мысль о Почившемъ ушла куда-то далеко, далеко...

Былъ у насъ великій праздникъ—встрѣчали Воскресшаго. Было большое ликованіе, было много свѣта и радости, были восторги всепрощенія и порывы къ небу.

И въ концѣ-концовъ все содержаніе праздника вылилось въ рамки разговѣнья, да хожденія другъ ко другу съ поздравленіями...

Жизнь земли захватила насъ и заглушила чувство нашего собственнаго духовнаго воскресенія.

Чѣмъ мы должны руководствоваться въ жизни? Несомнѣнно Евангеліемъ.

Когда судья рѣшаетъ какое-либо дѣло, онъ беретъ книгу закона, находитъ статью и поступаетъ по закону.

Такъ должны поступать и мы. Прежде чѣмъ дѣлать что-либо, мы должны узнать, будетъ-ли это согласно съ Евангеліемъ, въ немъ—правда, въ немъ весь законъ нашъ.

„А у насъ Евангеліе лежитъ на полкѣ, иногда даже на столѣ, а мы живемъ не по нему; икона виситъ у насъ въ углу, а мы не желаемъ знать заповѣдей Того, Кто изображенъ на иконѣ, мы ходимъ въ церковь, а отрицаемъ уставы церкви; у насъ горять свѣчи, но не горять сердца. Мы знаемъ, чего хочетъ Богъ, чему учитъ Христосъ, что повелѣваетъ церковь, но живемъ такъ, какъ намъ нравится“ (Кругловъ).

Мы забываемъ, что христіанство есть жизнь, что смыслъ жизни заключается въ проникновеніи всѣхъ сторонъ ея ученіемъ Христа.

Въ этомъ-то и должны и могутъ помочь намъ наши женщины.

Жены-Мироносицы принесли въ міръ вѣсть о воскресшемъ Господѣ.

Пусть и наши женщины внесутъ христіанское обновленіе въ нашу жизнь, пока хоть только въ частную. Пусть онѣ улучшаютъ нашу жизнь своимъ вліяніемъ на своихъ дѣтей и мужей, пусть смягчатъ зло жизни и двинуть ее на встрѣчу Христу. „Пусть наши женщины освятятъ Евангеліемъ всѣ уголки дома, внесутъ Евангеліе въ вечерніе часы семейнаго отдыха, освѣтятъ не только лампадкой, но и святымъ чтеніемъ праздникъ. Пусть онѣ даже внесутъ дыханіе Божіе въ свою брачную комнату, преобразовавъ по духу Христову грѣшное и нечистое въ бракъ“. (Кругловъ).

Къ этому призываетъ ихъ и сама природа. Сила женщины — ея сердце, сердце нѣжное, кроткое, сострадательное. Стихія женщины — любовь, любовь высокая, истинная, христіанская.

Пусть-же наши жены своею кротостью смягчаютъ стропотность своихъ мужей, пусть своимъ участіемъ согрѣваютъ ихъ души, утѣшаютъ и воодушевляютъ ихъ.

Пусть наши матери, горячо любя своихъ дѣтей, научать ихъ св. вѣрѣ и любви, направятъ ихъ волю къ правдѣ и добру.

А для этого и сами онѣ должны глубже проникнуться духомъ Евангелія, чаще его читать и разъ навсегда рѣшить:

во всемъ идти за Христомъ, всю свою жизнь располагать по закону Его.

Жены—христіанки, на васъ лежитъ святой долгъ возродить семью, обновить жизнь!

Это завѣтъ Того, Кто своею смертію попраля смерть и обновилъ весь человѣческій міръ. Аминь.

Священникъ Теофилъ Булдовскій.

Н. В. Гоголь.

(1809—1909)

Критико-біографическій очеркъ *)

I.

19-го марта настоящаго 1909-го года исполнилось сто лѣтъ со времени появленія на свѣтъ величайшаго русскаго писателя, гордости и славы русской литературы, Н. В. Гоголя. Вся Россія чествуетъ память своего геніальнаго сына въ столѣтнюю годовщину его рожденія; она чтитъ въ немъ не только проявленіе тѣхъ лучшихъ сторонъ своего національнаго духа, которыя выразились въ его безсмертныхъ твореніяхъ, но и съ чувствомъ глубочайшаго удивленія преклоняется предъ той могучей силой любви къ свсей родинѣ, которая съ малыхъ лѣтъ до полныхъ трагизма послѣднихъ дней жизни волновала грудь этого „аскета нашей литературы“ и которая, быть можетъ, была даже одною изъ самыхъ важныхъ причинъ его безвременной кончины. По всему лицу родной земли славится теперь имя Н. В. Гоголя, и если еще не „всякъ сущій въ ней языкъ“ съ благоговѣйнымъ восторгомъ произноситъ это имя, то, во всякомъ случаѣ, вся грамотная Россія, всѣ медвѣжьи уголки, откуда хоть „3 года скачи, ни до какого государства не дойдешь“—по выраженію нашего писателя, но куда проникло просвѣщеніе въ видѣ

*) Читано на актѣ въ память Н. В. Гоголя 12-го апрѣля.

школь—съ чувствомъ глубокой признательности вспоминають теперь имя творца Вечеровъ, Тараса Бульбы, Ревизора, Мертвыхъ душъ и „Шинели“.

И мы, м. м. г.г., собрались здѣсь затѣмъ, чтобы почтить память этого великаго человѣка, близкаго намъ не потому только, что его творенія, его мысли, идеи, отобразившіяся въ его художественномъ творествѣ, дѣлаются достояніемъ нашего духа, не потому только, что на его твореніяхъ мы восниываемся, но и потому еще, что онъ былъ сыномъ Полтавской земли. Позвольте же мнѣ, на долю котораго выпалъ долгъ занять на этомъ торжественномъ собраніи въ честь великаго писателя ваше вниманіе, остановить его на тѣхъ событіяхъ и обстоятельствахъ жизни Николая Васильевича Гоголя, которыя способствовали развитію его таланта, а также, по силѣ возможности, отмѣтить то значеніе, какое имѣли и имѣють творенія его.

19-го марта 1809 года въ м. Сорочинцахъ, Миргородскаго повѣта, у помѣщика средней руки, Василя Аванасьевича Гоголя-Яновскаго, и его супруги Марьи Ивановны, урожденной Косяровской, родился первенецъ; это и былъ будущій писатель Николай Васильевичъ Гоголь.

Окружающая природа и семейная обстановка налагають на каждыя изъ насъ той или иной отпечатокъ. Первые проблески сознанія дѣтской развивающейся души иногда отсвѣчиваютъ тѣми цвѣтами и тѣнями семейнаго уклада жизни, среди котораго приходилось воспитываться дитяти. Вмѣстѣ съ тѣмъ окружающая природа съ ея богатствомъ или бѣдностью красокъ, съ ея особыми свойствами, присущими каждому уголку, равнодушная къ радостямъ и горестямъ людскимъ, налагаетъ однако неизгладимую печать на впечатлительную душу ребенка.

Маленькій „Никоша“, какъ называла своего сына мать, все свое дѣтство провелъ въ центрѣ Малороссіи, на лонѣ природы, въ родовомъ имѣньи своего отца — Васильевкѣ-Яновщинѣ тожь“.

Не блещетъ Малороссія богатствомъ и разнообразіемъ видовъ; нѣтъ здѣсь ни „сѣдовласыхъ горъ“, ни „дикихъ ущелій“,

нѣтъ той расточительной, изиѣженной, съ рѣзкими очерта-
ніями, почти сказочной красоты „настоящаго юга“; не най-
дете здѣсь и величественной простоты суроваго сѣвера съ его
многоводными рѣками, долинами и возвышеніями, сплошь
покрытыми таинственной зеленью лѣсовъ... Но здѣсь есть
своеобразная прелесть, свойственная только тихой мечтатель-
ной Украинѣ; эта равнина безъ мѣры въ ширину, безъ кон-
ца въ длину открывающаяся нашему взору, не туманить
мозгъ, не приковываетъ къ себѣ взгляда, а заставляетъ какъ-
то уйти въ самого себя; эти трепетно—лиственные тополи, строй-
ными рядами охраняющіе былыя помѣщичьи усадьбы, своими
пирамидальными верхушками уходящіе въ голубую высь,
уносятъ съ собою и душу человѣка; эти „вишневые садоч-
ки“, окутанные весною въ бѣлую пѣну цвѣтовъ,—эти издали
доносящіеся томные звуки „малороссійскихъ думокъ“, эти
„тихія украинскія ночи, ясныя съ прозрачнымъ небомъ“, въ
которыя воздухъ „не хочетъ превозмочь своей дремоты“, съ за-
мирающими соловьями въ кустахъ сирени и тихою блѣдною
луной, „спокойно съ высоты озаряющей пышныхъ гетмановъ
сады“—все это создаетъ общій томный фонъ настроенія, со-
здаетъ въ душѣ то тихое мечтательно—задумчивое настроеніе,
въ которомъ томныя грезы, расплывающіяся подобно легкому
облачку въ далекой синевѣ небесъ, занимаютъ преимущест-
венное мѣсто... И народъ, обитающій издавна среди этой при-
роды, вздыхающій съ ней однимъ дыханіемъ, отразилъ на себѣ
черты этой природы. Сентиментальный, склонный къ грусти
малорусскій народъ, кромѣ того, „надѣленъ особымъ даромъ—
юморомъ, столь типичнымъ для всѣхъ, даже скромныхъ пред-
ставителей этой народности“ Трудно опредѣлить точно, гово-
рить академикъ Н. Котляревскій, въ чемъ эготъ даръ заклю-
чается; иногда это просто комическая жилка—способность
оттѣнить въ предметѣ или въ вопросѣ его смѣшную сторону,
чтобы позабавиться—такъ, для невинной потѣхи; иногда
это—своеобразный взглядъ на вещи, ищущій въ насмѣшкѣ
противовѣса грусти и ограждающій себя смѣхомъ отъ слиш-
комъ печальныхъ выводовъ и размышленій“.).

*) Н. Котляревскій, Гоголь.—СПБ. 1908 г. стр. 1, 2.

Всѣ эти типическія народныя черты отразились на характерѣ и настроеніи Н. В. Гоголя. „Сентиментальное сердце, говоритъ вышеупомянутый Н. Котляревскій, любящее нѣжиться въ грусти и острый насмѣшливый умъ—вотъ тѣ двѣ силы, которыя никакъ не могли въ немъ ужиться. Сердце было всегда лирически настроено и на землѣ тосковало по туманному идеальному міру, умъ всегда былъ трезвъ, безпощадно остеръ и обладалъ исключительной способностью замѣчать въ этой земной жизни всѣ ея несовершенства, ея ложь, ея грязь и пошлость. Трудно было жить съ такими дарами духа, которые разрывали его единство и дѣлили его между землей и небомъ—и Гоголь заплатилъ за эти дары своимъ душевнымъ покоемъ и счастьемъ“. *) Но не будемъ забѣгать впередъ, обратимся къ изображенію той домашней обстановки, среди которой жилъ и воспитывался юный „Никоша“. Семья Гоголей-Яновскихъ, обитавшихъ въ своей усадьбѣ—была мирная, тихая, согласная во всемъ, полная заботъ другъ о другѣ. Это была, до нѣкоторой степени, та идиллическая помѣщичья обстановка, которую такими тихими полутонами изобразилъ впоследствии Николай Васильевичъ въ своихъ милыхъ „старосвѣтскихъ помѣщикахъ“. Та же заботливость другъ о другѣ, та же любовь покушать, то же благодушіе... Но если желанья и мысли Ивана Афанасьевича и Пульхеріи Ивановны „не перелетали далѣе частогола ихъ двора“, то этого нельзя было сказать о родныхъ писателя—отецъ Николая Васильевича—кромѣ того, что былъ человѣкомъ добрымъ и сердечнымъ, отличался еще и любознательнымъ умомъ, пользовался въ кругу своихъ знакомыхъ заслуженной вполне репутаціей опытнаго и интереснаго рассказчика и даже не чуждъ былъ и литературы: такъ его перу принадлежали нѣсколько комедій, которыя онъ и разыгрывалъ въ домашнемъ театрѣ своего богатаго, вліятельнаго родича Трощинскаго, жившаго въ с. Кибинцахъ. Въ домѣ этого „кибинскаго царька“, министра въ отставкѣ, было полное раздолье былой помѣщичьей жизни. Пиръ съ музыкой смѣнялись домашними спектаклями и другими увеселеніями. Большую долю участія

*) Ibidem. стр. 2.

въ этихъ спектакляхъ принималъ и Василій Аонасьевичъ, перѣдко гостившій въ этихъ Аонасахъ „того времени“ вмѣстѣ съ своимъ первенцемъ Николаемъ, который иногда тоже принималъ участіе въ разыгрываніи піесъ.

Но ничье вліяніе изъ семейнаго круга такъ сильно не сказалось на характерѣ Николая Васильевича Гоголя, какъ вліяніе его матери, Марьи Ивановны, Марья Ивановна, кромѣ того, что была женщина „золотого сердца“ добрая и впечатлительная, была еще въ высшей степени женщина религіозная. Свою религіозность она сѣмѣла привить своему дорогому „Никошѣ“. И это чувство, взлелѣянное лаской матери, навсегда осталось въ душѣ великаго писателя. Мало того—оно не только осталось, оно было живо, оно росло и развивалось и подъ конецъ жизни писателя приняло мистическую окраску и совершенно овладѣло „многогранной“ и въ высшей степени чувствительной душой писателя... Это было несомнѣнно то чувство, которому принадлежало господствующее положеніе во всѣхъ интимныхъ переживаніяхъ писателя. И если къ кому изъ писателей можетъ быть вполнѣ примѣнимо имя писателя—христіанина, то именно, прежде всего, къ Н. В. Гоголю. Такимъ образомъ, какъ видимъ, пору своего золотого дѣтства Н. В. Гоголь проводилъ среди ласкъ и заботъ о себѣ своихъ домашнихъ; по выраженію А. Н. Пышина „въ полнѣйшей обстановкѣ малороссійскаго панскаго и крестьянскаго быта“. *) Въ противоположность геніальному Пушкину, который получилъ воспитаніе среди интернаціональныхъ интересовъ и преимущественно французскихъ космополитическихъ идей и который, только благодаря своему геніальному уму, возвысился до высоты національнаго поэта, Гоголь выросъ и воспитался на почвѣ исключительно народной, среди украинской природы и ея обитателей.

Обученіе грамотѣ маленькаго Никоши началось еще дома и, кажется, подъ руководствомъ одного полтавскаго семинариста. Десяти лѣтъ (1819) его вмѣстѣ съ младшимъ братомъ

*) Шенрокъ. Біографія. (Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя подъ ред. Тихонравова. и Шенрока въ одномъ томѣ, изд. Маркса СПб. 1901 г. стр. 9).

Иваномъ, вскорѣ умершимъ, отправили въ Полтавскую гимназію, а черезъ 2 года (въ 1821 г.) помѣстили въ Нѣжинскую гимназію при вновь открытомъ лицѣ высшихъ наукъ имени Кн. Безбородко. Черезъ 7 лѣтъ (въ 1828) Гоголь окончилъ курсъ наукъ гимназіи и лицей, и двадцати-лѣтнимъ юношей Николай Васильевичъ Гоголь-Яновскій вступилъ на поприще самостоятельной жизни.

Остапавляваясь на школьныхъ дняхъ жизни нашего писателя, нельзя не замѣтить того обстоятельства, что Гоголь не многому научился въ тогдашней школѣ. „Мы всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь“ говорилъ про свое время Пушкинъ. Но нельзя даже и сравнивать школьные годы, проведенные Пушкинымъ въ Царскосельскомъ лицѣ, и лицейскіе годы, проведенные Гоголемъ въ заброшенномъ уѣздномъ провинціальномъ городкѣ, гдѣ всѣ жители „вѣроятно знали другъ друга по имени и, навѣрное, знали по имени и студента Гоголя, который, какъ говорятъ, много проказничалъ“.¹⁾ Лицейскіе годы Пушкина, по его личнымъ воспоминаніямъ, по воспоминаніямъ его сверстниковъ, несмотря на невысокую постановку учебныхъ предметовъ, все-таки составляли свѣтлую страницу въ жизни поэта. Самое положеніе Царскосельскаго лицей вблизи отъ резиденціи Государя, его двора, вблизи тогдашнихъ кружковъ литературы, объединявшихся около Карамзина, Державина... будило и давало пищу умственнымъ интересамъ лицейстовъ.

Не то было въ Нѣжинскомъ лицѣ.—Не блиставшая талантами корпорація преподавателей, хотя и не гасила въ своихъ питомцахъ искры любознательности и не подавляла стремленія къ образованію, но и не много давала для того, чтобы будить эти стремленія и развивать ихъ.*) Да и самъ Николай В. Гоголь, по свидѣтельствамъ товарищей, не отличался особымъ прилежаніемъ и рвеніемъ къ наукамъ. Не даромъ среди своихъ сверстниковъ онъ пользовался репутаціей „лѣнтя“.^{**)} Но уже здѣсь на школьной скамьѣ Гоголь проя-

¹⁾ Н. Котляревскій, 4 стр.

^{*}) Такъ препод. литературы Никольскій, по словамъ Данилевскаго, даже Державина считалъ „новымъ челоѡкомъ“. Собр. соч. Гоголя стр. II Примѣчаніе.

^{**)} Въ бытность свою въ Полтавск. гимназіи—онъ былъ аттестованъ нѣсколько разъ какъ тупой, и слабый. („Слово“) № 739 за 1909 г.

вилъ ту острую наблюдательность вмѣстѣ съ насмѣшливостью, которыя составляютъ такую характерную черту его великихъ твореній. Остроты и прозвища, которыми награждалъ Гоголь окружавшихъ, превращались въ постоянныя клички. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же у него начала проявляться страсть къ рисованію и увлеченіе театромъ; онъ самъ игралъ на сценѣ лицейскаго театра, преимущественно комическія роли; особенно, говорятъ, хорошо игралъ онъ роль Простаковой. Своей игрой и страстью къ театру онъ сумѣлъ заинтересовать своихъ товарищей, и они составили кружокъ любителей театра. Самими усердными дѣятелями кружка и близкими друзьями-пріятелями Гоголя были—его землякъ сосѣдь А. С. Данилевскій, братья Прокоповичи, студентъ высшаго курса лицея Высоцкій... Кружокъ этотъ слѣдилъ за тогдашней литературой и сталъ издавать свой лицейскій журналъ „Звѣзду“, самымъ виднымъ сотрудникомъ котораго, писавшимъ памфлеты, сатиры не только на обитателей лицея, но и на обывателей Нѣжина, былъ, конечно, Н. В. Гоголь.

Вмѣстѣ съ острой наблюдательностью и сатирическимъ отношеніемъ къ окружающему біографы Гоголя отмѣчаютъ въ немъ еще одну характерную черту—его меланхоличность. Уже на школьной скамьѣ, въ годы беззаботнаго дѣтства и золотыхъ грезъ юности, онъ познакомился съ тѣмъ грустнымъ настроеніемъ, полнымъ непонятной тоски, которое впослѣдствіи такъ сильно отразилось на его послѣднихъ твореніяхъ. Нерѣдко среди проказъ и безпощадныхъ остротъ онъ внезапно умолкалъ и уходилъ отъ своихъ товарищей въ уголки лицейскаго сада и тамъ наединѣ съ собой о чемъ-то думалъ невеселыя думы... Такою грустью вѣтъ отъ многихъ его писемъ изъ Нѣжина къ матери. Изъ этой переписки мы видимъ, какъ нерѣдко этотъ проказникъ, лѣнивый къ наукамъ, юноша много размышлялъ надъ серьезными жизненными вопросами. Онъ много думалъ и надъ собою, задумывался надъ особыми чертами своего характера. Результатомъ самонаблюденія было признаніе того, что онъ „загадочная натура“, не похожая на другихъ обыкновенныхъ людей. Эта мысль проглядываетъ во многихъ его письмахъ къ

своимъ роднымъ. „Я почитаюсь здѣсь загадкою для всѣхъ, пишетъ онъ матери передъ выпускомъ изъ лица; никто не разгадалъ меня совершенно. У васъ почитаютъ меня свое-нравнымъ, какимъ то несноснымъ педантомъ, думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей. Вы меня называете мечтателемъ, опрометчивымъ... Нѣтъ я слишкомъ много знаю людей, чтобы быть мечтателемъ“.*)—Такого рода признанія и сознание своего особаго назначенія проходятъ чрезъ всю почти жизнь этого, во многомъ, дѣйствительно, неразгаданнаго, великаго человѣка. Съ этою мыслью-мыслью о своемъ особомъ назначеніи—онъ сошелъ и въ могилу.

Еще на школьной скамѣ задумываясь надъ своей жизненной дорогой, онъ иногда презрительно отзывался о своихъ сверстникахъ. Было-ли это презрительное отношеніе слѣдствіемъ той особенности его остраго ума, который наблюдалъ и подмѣчалъ болѣе нехорошія черты людей, каррикатурныя ихъ свойства, чѣмъ хорошія; или то было слѣдствіемъ сознанія дѣйствительнаго превосходства, по крайней мѣрѣ, въ мечтахъ и предчувствіяхъ, его сложной богато одаренной природы въ сравненіи съ окружающими его—трудно сказать. Во всякомъ случаѣ, изъ его писемъ въ эту пору мы видимъ, какъ серьезно юный Н. В. Гоголь относился къ жизни; онъ не хотѣлъ ограничиться ролью простаго „существователя“, какъ презрительно называлъ Гоголь своихъ сверстниковъ; онъ не хотѣлъ жить растительною жизнью и тѣми низкими интересами, какія замѣчалъ среди своихъ сверстниковъ. Нѣтъ, иные запросы предъявляетъ ему жизнь, иной „службы“ ждетъ она отъ него. Какой?—онъ еще самъ хорошо не знаетъ; онъ только чувствуетъ, что на его долю выпадаетъ какая-то особая миссія, что онъ долженъ совершить „трудъ важный, благородный, въ пользу отечества, для счастья гражданъ, для блага жизни себѣ подобныхъ“. Онъ мечтаетъ о томъ, какъ будетъ служить, поселившись въ Петербургъ, „въ веселой комнаткѣ съ окнами на Неву“.**)

*) Шенрокъ. Письма Н. В. Гоголя С.-ПБ. 1901 г. 1 ш. 97—98. ср. Котляревскій 6—7 стр.

***) Письма Н. В. Гоголя т. I, 68.

службѣ государству*) онъ осуществить свои неясныя стремленія; тамъ въ сѣверной столицѣ, гдѣ сосредоточенъ, такъ сказать, мозгъ государственной жизни, найдетъ онъ возможность проявить таящіяся въ немъ силы и неясныя стремленія его духа; не на почвѣ писательства проявитъ онъ себя, свои силы, которыя не позволяютъ жить „съ толпою самодовольной черни, въ глуши ничтожности“.. Нѣтъ „государственная служба“ должна была, по его представленію, удовлетворить его стремленіямъ. „Во снѣ и на яву, пишетъ онъ матери изъ Нѣжина, грезится мнѣ Петербургъ, съ нимъ вмѣстѣ и служба государству“. Такого рода мечты о службѣ благу народному, службѣ государству овладѣваютъ Гоголемъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе и ближе подходило время выпуска изъ лица.**)

Эти-то неясныя мечты, томленія юношеской души, предразсвѣтныя вспышки его генія сказались и въ его юношеской идилліи „Ганць Кюхельгартенъ“, которую написалъ онъ еще въ бытность свою въ лицѣѣ.

Прекрасный юноша Ганць рвется уйти куда нибудь изъ тихой домашней обстановки, гдѣ все навѣваетъ на него тоску.

„Все рѣшено, говоритъ Гоголь-Ганць, „Теперь ужели мнѣ здѣсь душою погибать?

И не узнать иной мнѣ цѣли?

И цѣли лучшей не сыскать?

Себя обречь безславью въ жертву?

При жизни быть для міра мертву!

Душой-ли, славу полюбившей,

Ничтожность въ мірѣ полюбить?

Душой ли, къ счастью не остывшей,

Волненья міра не испытать?

Существованья не отмѣтить?**)

*) Ibidem, 58, 59.

**) Во всѣхъ письмахъ этого періода времени можно встрѣтить такъ или иначе выраженыя эти мечты, неразрывно связанныя съ Петербургомъ, гдѣ въ это время происходила постепенная централизація государственной власти.

***) Полн. собр. сочин. Гоголя, т. I. „Ганць Кюхельгартенъ“ Карт. VII, стр. 25.

Или въ другомъ мѣстѣ:	Ему казалось душно, пыльно
„Живого юности стремленья	Въ сей позаброшенной странѣ.
Такъ испестрялися мечты	И сердце билось сильно
Порой небеснаго черты,	сильно
Души прекрасной впечат-	По дальней, дальней, сторонѣ.
лѣнья	Тогда, когда бъ вы повидали,
На немъ лежали но чего въ	Какъ подымалась буйно грудь,
Волненьяхъ сердца своего,	Какъ взоры гордо трепетали,
Искаль онъ думою неясной,	Какъ сердце жаждало приль-
Чего желалъ, чего хотѣлъ,	нуть
Къ чему такъ пламенно ле-	Къ своей мечтѣ, мечтѣ неяс-
тѣлъ,	ной,
Душой и жадною и страстной,	Какой въ немъ пылъ кипѣлъ
Какъ будто міръ желалъ об-	прекрасный,
нять,	Какая жаркая слеза
Того и самъ не могъ понять.	Живые наполнила глаза!“.*)

Такъ мечталъ и тосковалъ юный прекрасно-душный Гоголь-Ганцъ о какой-то „дальней, дальней сторонѣ, о какой-то иной жизни, чѣмъ та обстановка сѣрыхъ буденъ, среди которыхъ ему приходилось вращаться.—Это была тоска по новой жизни, гдѣ мечта не расходилась бы съ дѣйствительностью; гдѣ идеалы добра и красоты воплощались бы въ жизни и составляли ту гармонію прекрасной дѣйствительности, которая одна оправдываетъ жизнь, даетъ ей истинный смыслъ,—то совершенство, которое является цѣлью *достойнаго существованія*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*)Lbid., карт. V стр. 17—18.

Въ концѣ года...

Записки по церковнымъ налогамъ.

(продолженіе)

IV.

Необходимо путемъ повсемѣстныхъ, единогласныхъ постановленій всего духовенства на благочинническихъ и уѣздныхъ собраніяхъ и Епархіальномъ Съѣздѣ, при поддержкѣ Епархіальной власти, съ ходатайствомъ, въ чемъ необходимо, предъ Св. Синодомъ, довести налоги до такой нормы, при которой они покрывались-бы **изъ остатковъ** отъ покрытія справедливыхъ нуждъ церковно-приходскихъ. Иначе — мы убьемъ и церкви и приходы. Тогда — что? Кому будетъ легче? Это — общее положеніе вопроса, такъ сказать — главная задача, которую нужно общими силами, неуклонно, настойчиво достигнуть. Мы по долгу и чувству не можемъ и не имѣемъ права относиться безразлично къ тому, что дѣлается съ Церковью и какъ это отразится далѣе; въ общемъ составѣ съ іерархами намъ ввѣрены дѣло церкви, ея чада и ея судьбы; роль слишкомъ отвѣтственна, и было-бы съ нашей стороны преступнымъ относиться къ ней безучастно; но также неправильно и кому-либо одному принимать самовольныя мѣры. Взяться, прійти къ соглашенію на отдѣльныхъ и общихъ собраніяхъ и приступить къ энергичному выполненію задачи нужно всѣмъ и сразу, не ожидая внѣшнихъ письменныхъ побужденій и не извиняя своего безучастія отсутствіемъ таковыхъ, ибо внутреннихъ побужденій самага дѣла и жизни слишкомъ достаточно и слишкомъ они очевидны, чувствительны и внушительны всѣмъ и каждому. Кого-же и чего же ждать для дѣла, котораго ясно и рѣшительно требуютъ лично отъ насъ, отъ нашего личнаго состава, сама жизнь, дѣло и созданное положеніе Православной Церкви? И откладывать съ этимъ дѣломъ рѣшительно невозможно, въ виду повсемѣстно сказывающихся опасныхъ симптомовъ.

Переходя къ отдѣльнымъ мѣропріятіямъ, которыя могли бы быть полезны для улучшенія дѣла, мы приведемъ тѣ, что года 3 назадъ на одномъ уѣздномъ съѣздѣ были представлены отъ круговъ и поручены намъ для сведенія въ

одинъ цѣльный докладъ отъ уѣзда. Такимъ образомъ мы будемъ говорить голосомъ цѣлаго уѣзда. Правда, въ то время, какъ первый шагъ въ каждомъ дѣлѣ, намѣченные пункты не привели къ существеннымъ результатамъ, и вышло это оттого, что одни изъ депутатовъ не спѣлись еще съ другими, другіе не имѣли мужества защищать тезисы, а третьи, поднавши иному вліянію, по личнымъ расчетамъ измѣнили даннымъ полномочіямъ, и въ итогѣ—наши депутаты, скрестивши безсильныя руки, главу опустивши на грудь, печально назадъ повернули въ обратный далекій свой путь, что и отразилось въ грустной замѣткѣ «Утѣшеніе вѣры», въ № 33 Еп. Вѣд. 1905 г. Но теперь пора нашимъ шагамъ окрѣпнуть и пора бодро идти по своему пути впередъ, иначе насъ и наше дѣло снесетъ и нынѣшнее теченіе жизни, не смотря на всѣ миссіонерскія постановленія, оцѣживающія единицы, а народъ въ цѣломъ составѣ и общемъ движеніи пропускающія и не могущія остановить стремленія хлынувшихъ волнъ свободы вѣры, совѣсти, печати, слова и т. д. Что-же ждетъ впереди?...

Мѣры эти, выработанныя тогда по округамъ и внесенныя въ уѣздное собраніе, въ общей группировкѣ выясняютъ наглядно и убѣдительно картину сердечной пастырской заботливости по этому дѣлу. Мѣры эти, указанныя въ собраніяхъ отдѣльныхъ округовъ и приведенныя въ ихъ постановленіяхъ, порученныхъ намъ уѣзднымъ собраніемъ для общей связи и аргументаціи, изложены были во многихъ случаяхъ безъ системы, чѣмъ ярко доказывалось, что онѣ излагались подъ горячимъ наболѣвшимъ чувствомъ, при которомъ раздумывать о системѣ некогда. Тѣмъ не менѣе въ общемъ комплектѣ, въ его внутренней, задушевной сторонѣ, всѣ пастырскія чаянія, выводы и обобщенія представляли опредѣленную стройную схему. Это были вопросы: пастырскіе, административные и матеріальные, касающія вѣры и благочестія, управления и церковныхъ средствъ. Вотъ эта послѣдняя группа, касающія церковныхъ налоговъ, приходила въ своихъ заключеніяхъ объ улучшеніи дѣла къ тремъ послѣдовательнымъ пунктамъ: 1—Пересмотрѣть всѣ статьи налоговъ, отмѣнить неумѣстныя, умѣньшить чрезмѣрныя и тѣмъ понизить налоговую цифру до предѣловъ выносимости ея для каждой отдѣльной церкви. 2—Упорядочить въ смыслѣ справедливости и посильности разверстку

между церквами тѣхъ статей, которыхъ нельзя понизить безъ ущерба дѣйствительнымъ потребностямъ дѣла, но не прихотливымъ затѣямъ, памятуя скудость жизни народа, съ котораго берутся средства, и сознавая, что истинный блескъ христіанства заключается прежде всего въ скромности—внутренней и внѣшней. 3—Для необходимой устойчивости баланса церковныхъ средствъ на покрытіе *неизбѣжныхъ* налоговъ, правильно распредѣленныхъ, нужно пересмотрѣть и увеличить продажную расцѣнку сортовъ свѣчей или количество каждаго сорта въ фунтѣ, зная, что для большинства церквей свѣчная выручка—это все годовое достояніе, а потому и стѣсняться въ этомъ нечего, такъ какъ и заводъ, и учрежденія, и храмы, и народъ—наши и равно дороги, вызывая въ сердцахъ желаніе имъ только добра и процвѣтанія. Короче сказать, постановленія сводились къ тремъ словамъ: уничтожить налоги непосильные, лишніе; распредѣлить правильно цифру необходимыхъ; увеличить свѣчной оборотъ, и все это плавно, любяще, не нарушая гармоніи дѣла и мира взаимныхъ отношеній.

Что можетъ быть честнѣе, благонамѣреннѣе этихъ, данныхъ тогда полномочій, которымъ въ то время, при первомъ опытѣ, вызываемомъ новыми, родившимися съ 1905 года, условіями, не суждено было во многомъ осуществиться.

Такова вкратцѣ исторія попытки этого дѣла, бывшая на на нашихъ глазахъ и отчасти на нашихъ рукахъ, доказывающая, что вопросъ этотъ давно созрѣлъ въ сознаніи пастырей, жаждущихъ разрѣшить его мирнымъ, справедливымъ путемъ, чуждымъ всякой враждебности къ кому-нибудь и къ чему-нибудь.

Прошли года... Положеніе дѣла и церквей не улучшилось, а еще болѣе стало тягостнымъ, отсюда еще болѣе стало необходимо—или осуществить мѣры, проектированныя тогда, или принять новыя, болѣе соотвѣтствующія создавшейся остротѣ положенія, усугубившейся за это время, что такъ подтверждается состояніемъ церкви въ концѣ года и при сдачѣ отчетовъ. Вообще съ рокового 1905 года положеніе пастырей, церквей, приходовъ и народа, какъ всякому видно, круто измѣнилось, и это измѣненіе еще не все развернулось,—многое ждетъ еще впереди. Поэтому, если раньше иные безошадные карьеристы могли смотрѣть

на епархію, какъ на безличное «Панургово стадо» для стрижки налоговъ, остающихся доселѣ, такъ теперь это немислимо и конечно нежелательно въ цѣляхъ самой религіи, когда каждый членъ церкви, клирикъ или мірянинъ, долженъ быть стойкою силою на мѣстѣ для защиты Церкви, а не безотвѣтнымъ манекеномъ.

Что мѣры облегченія участи церквей, разоряемыхъ налогами, необходимы, съ этимъ согласятся всѣ пастыри, кромѣ заинтересованныхъ въ обогащеніи своихъ обеспеченныхъ церквей за счетъ убогихъ; несомнѣнно также, что и теперь, какъ тогда, за справедливую разверстку станутъ всѣ, за исключеніемъ опять тѣхъ, кому нынѣшняя система выгодна; но подлопоклонствоватъ предъ ними для Церкви Христовой нѣтъ надобности.

Будутъ-ли возбуждены мѣры облегченія прежде проектированныя, или иныя, во всякомъ случаѣ мы считаемъ полезнымъ нѣсколько освѣтитъ здѣсь ходатайства и соображенія духовенства прежняго времени, принимая также во вниманіе и нынѣшнія требованія.

Такъ, по первой группѣ мѣръ, т. е. для уменьшенія цифры представленій, необходимо рѣшительно отмѣнить листовые, тарелочные и кружечные взносы, вызывающіе общій вопль пастырей повсемѣстно изъ-за невозможности выполнения, обращающіе церковь въ какую-то толкучку собраній и истощающіе жалкіе гроши обнищавшихъ церквей, которые не въ состояніи залатать и своихъ дыръ въ полахъ, стѣнахъ, кровлѣ и оградѣ, словомъ — сверху до низу, внутри и около. Чья церковь въ данное время не зияетъ ранами, не имѣя силъ залѣчить ихъ? Немного такихъ счастливыхъ найдется изъ 1250. А сколько толкотни и фальши вносятъ эти побиранія въ дѣло разсылкою ихъ по церквамъ, бѣготнею за сборами ихъ, счетомъ, актами, отсылкою и т. д.

Тогда какъ замѣнить все это можно просто и легко, именно: въ каждой церкви завести одну благотворительную кружку для пожертвованій при Плащаницѣ, Крестѣ и въ другихъ случаяхъ. По опыту въ отдѣльныхъ среднихъ приходяхъ такая кружка даетъ за годъ рублей до 10. Эту-то кружку въ концѣ года, цѣликомъ, что въ ней соберется, при актѣ сдать въ консисторію и больше ничего. Благо-

творительныя учрежденія пусть обращаются только туда, не насылая намъ ни листовъ, ни воззваній, ни актовъ. Консисторія изъ общаго фонда, по мѣрѣ средствъ и по указанію владыки, пусть удѣляетъ посильную помощь, куда нужно, сообщая и епархіи свѣдѣнія за годъ о благотворительныхъ суммахъ. Мы употребимъ все усердіе къ этимъ кружкамъ, и учрежденія нисколько не пострадаютъ; а сколько отъ этого прибавится покоя и порядка во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ богослуженіи и проповѣди, которыя такъ необходимо примѣнять на созиданіе и усвоеніе самаго главнѣйшаго—вѣры въ пасомыхъ! Этого нужно домогаться всѣми силами; а до тѣхъ поръ выдѣляемые отъ церкви на «кружки», «листы» и «акты» пожертвованія, за неимѣніемъ сборовъ, показывать, по шнуровой и лит. «А» прямымъ церковнымъ расходомъ, согласно истинѣ дѣла: фальшь въ записи церковнаго дѣла никому не должна быть желательна; противъ этого никто не станетъ и возражать. Вѣдь средства нашихъ церквей добываются нашими-же трудами и удѣляя ихъ на дѣла милосердія подъ названіемъ небывалыхъ «переходящихъ», мы сами отрицаемся отъ себя, отъ своихъ трудовъ и всякаго участія въ нихъ. Кому это въ угоду? Печатной формѣ? Но форма дана общая для дѣла, гдѣ дѣйствительно бывають переходящія, а не дѣло милосердія для формы, для заполнения рубрики «переходящихъ», гдѣ ихъ нѣтъ, и запись ихъ тамъ является неумѣстной мелочной игрой, отъ которой никому нѣтъ пользы. Ужь если вести запись переходящихъ копѣекъ, то только въ такомъ порядкѣ: всѣ кружки сразу высыпать, подсчитать и вписать общею цифрою на приходъ въ переходящія, а въ теченіе года изъ нихъ выписывать въ расходъ по мѣрѣ выдѣленія на благотворительные взносы, въ точныхъ предѣлахъ общей поступившей цифры. Но много-ли отъ этого облегченія? И гдѣ это соблюдается?

Къ этой-же группѣ мѣръ по сокращенію налоговъ относится явная необходимость рѣшительно не допускать дальнѣйшаго роста ихъ изъ года въ годъ, такъ какъ и этихъ статей и цифръ, въ общемъ итогѣ ихъ, ни церкви, ни народъ выносить уже не могутъ. Если-же потребовалась-бы какая добавочная статья, то проводить ее, не выходя изъ предѣловъ прежней цифры налога, т. е. за счетъ сокращеній и остатковъ по другимъ статьямъ.

Мѣрою пониженія налоговъ было-бы, давно сознаваемое рациональнымъ, упрощеніе внѣшняго лоска, показной стороны въ устройствѣ, обстановкѣ и содержаніи заведеній, содержимыхъ нашими убогими церквами изъ свѣчки Божіей, приносимой еще болѣе убогимъ народомъ. Многое въ содержаніи и украшеніи этихъ заведеній, по общему признанію самихъ родителей, не способствуя выработкѣ необходимыхъ въ нашемъ быту скромности и крѣпости духа, идетъ въ разрѣзъ нашимъ церковнымъ и народнымъ условіямъ, средствамъ и традиціямъ простоты. Мы сами и нашъ народъ, выбиваясь изъ силъ, зачастую не имѣемъ средствъ прикрыть церкви и жилья, достать топлива и корма, а погоня за показною стороною съ этимъ воплемъ нужды и горя не считается, съѣдая тысячныя средства. Все, что превышаетъ дѣйствительныя платежныя силы, можно признать несвоевременнымъ разорительнымъ излишествомъ, и кто-же назоветъ правильнымъ и умнымъ, если созидавая и украшая одно, разорять другое? А сколько на эти излишества кладется трудового пота и слезъ нужды народа, которыя такъ и лоснятся предъ глазами во многомъ, безъ чего можно обойтись безъ вреда дѣлу и здоровью и съ несомнѣнно большею пользою для внутренняго приходскаго дѣла! Такъ, не веселитъ нашего взора эта, дорого стоящая, показная сторона, вызывая раздумье за будущее, за церкви, за народъ-который мы не можемъ не носить въ своемъ сердцѣ, будучи призваны къ молитвенному предстательству за него у Престола Божія, разъ мы совершаемъ это искренно, а не лицемерно, не для выручки налоговъ.

Какъ народъ сейчасъ относится къ самимъ налогамъ и къ вопросу о томъ, оправдываются-ли они результатами, приведемъ слѣдующую сценку изъ личныхъ наблюденій. Въ одномъ селѣ по выбитіи священника долго не было назначенія новаго. Періодъ былъ такой, что въ епархіи до 20 приходовъ оставались вакантными. Наступала весна, ростенель и разливъ. Сидятъ дядьки на колодахъ и толкуютъ. Одинъ говоритъ: Какъ теперь намъ быть, что некому ни въ церкви служить, ни требъ исполнять, и куда по такой дорогѣ можно кинуться за батюшкой?—Другой обозвался: Дожились, что не батюшки вразумляютъ забастовщиковъ, а сами научились отъ «вокзальцевъ» бастовать, да и не идутъ на приходы служить.—Третій подхва-

тиль: Давали, давали отъ церкви налоги, а служить, крестить, пріобщать и погребать некому, хоть такъ пропадай, — и церкви уронъ, и намъ безпокойство, а налоги опять требуютъ. — Четвертый, самый горячій крикунъ въ приходѣ, заключилъ: Потому они и не идутъ, что учатся на наши церковныя средства; а еслибы учились на свои, то шли-бы зарабатывать ихъ; получая-же готовое, они на насъ рукой махнули, такъ лучше — не дать налоговъ. — Таково пониманіе налоговъ и, хотя въ немъ есть нелогичность, но считается съ нимъ и съ массой нужно.

Поэтому, чѣмъ меньше будетъ тратъ на непроизводительное, тѣмъ легче будетъ для церквей и полезнѣе для дѣла, для прямой цѣли налоговъ и заведеній. Отцы Церкви изъ пещеръ, вертеповъ и пустынь сіяли міру добродѣтелью и ученіемъ; сущность не въ роскоши: потребности нужно ограничивать отъ разорительной прихоти, въ чемъ и воспитывать поколѣніе для жизни.

Доселѣ мы говорили о мѣрахъ уменьшенія налоговъ; при этомъ спѣшимъ оговориться, что оклады трудового жалованья служащихъ лицъ уменьшать нежелательно: *сбережений не должно созидать на цѣнѣ крови другихъ, особенно — своихъ же труженниковъ.*

Теперь скажемъ о мѣрахъ второй группы, о разверсткѣ налоговъ неизбѣжныхъ, необходимыхъ, какъ эти мѣры намѣчались раньше, такъ какъ вопросъ этотъ давно всѣмъ наболѣлъ.

Здѣсь прежде всего на очереди долженъ быть новый пересмотръ 25⁰/₀ взноса отъ каждой церкви и новое распределение его согласно дѣйствительнымъ, а не безразличнымъ или воображаемымъ, условіямъ каждой церкви. Подобный пересмотръ и раскладка не только не противорѣчатъ распоряженію Св. Синода, но будутъ вполне согласны съ нимъ, вытекать изъ него, такъ какъ Св. Синодомъ указана лишь общія сумма требуемаго взноса, съ предоставленіемъ самому духовенству на мѣстахъ произвести *во всякое время* справедливую разверстку сообразно средствамъ каждой церкви, безъ пристрастій и угодничества отдѣльнымъ персонамъ. И такое распоряженіе, такое отеческое довѣріе Св. Синода вполне естественно, ибо Св. Синодъ ужъ никакъ не можетъ быть врагомъ правды, церквей и народа. Это довѣріе и порученіе и нужно оправдать въ полномъ объемѣ, по его сущ-

ности, а не по фантазіи или произволу нѣкоторыхъ. Если при первомъ опытѣ разверстки вкратились ошибки, неточности и несправедливость, то никто не препятствуетъ сейчасъ, прійдя къ объединенію и соглашенію, взяться коллективно и исправить, не нарушая общей требуемой отъ епархіи суммы. Кому-же не бросается въ глаза такая, напр., вопіющая несправедливость: приходъ въ тысячу душъ об. п. обложенъ 70 р., а другой въ 4 тысячи платитъ только 85 р., благодаря только тому, что его настоятель участвовалъ въ раскладкѣ и счелъ выгоднѣе не считаться со справедливостью. Если переведемъ эти цифры на пуды взятыхъ свѣчей, то въ одной церкви налогъ надавленъ свыше 12 р. съ пуда, а въ другой спущенъ до 5 р., тогда какъ 25% сборъ есть именно свѣчной, почему и долженъ быть основанъ на свѣчной операціи, оставленной совершенно безъ вниманія при разверсткѣ. Такъ что при добавочной раскладкѣ произошли въ иныхъ мѣстахъ такіе казусы, что на богатѣйшія церкви раскладчиковъ прибавлено вдвое меньше, чѣмъ на самыя бѣднѣйшія.

Чтобы не повторилось это при новомъ пересмотрѣ, который такъ необходимъ, нужно только собрать свѣчныя заборныя книжки отъ каждой церкви, вывести *средній* заборъ за 3 года, сложить влятые по епархіи за годъ пуды свѣчей и раздѣлить на нихъ общую сумму 25% взноса отъ епархіи. Тогда свѣчная книжка сама скажетъ, сколько платить этого взноса по каждой церкви. Но непременно нужно руководствоваться заборными книжками изъ свѣчного склада, а не приходо-расходными записями, въ коихъ свѣчная вырочка въ иныхъ мѣстахъ показывается не вся, а часть ея отдѣляется въ „темныя суммы“.

Такому-же пересмотру и коренному измѣненію нужно непременно подвергнуть излюбленный, какъ видно изъ «Реестра», налогъ на бѣдныя, неповинныя «души» и взрослыхъ, и дрыхлыхъ старцевъ, и грудныхъ младенцевъ, не вѣдущихъ, не помышляющихъ, что души ихъ за то только, что онѣ есть, служатъ мишенью для требованья налоговъ, опутывающихъ „души“ цѣлой сѣтью. Что этотъ начетъ на души нелѣпъ по существу, что число душъ не служитъ мѣриломъ церковныхъ средствъ,—этого никто отрицать не станетъ, и налогъ съ «душъ» долженъ быть снятъ обязательно: слишкомъ онъ несправедливъ и возмутителенъ. Но

дѣло вѣдь въ источникахъ содержанія, какъ-бы ихъ не называть, — „душевными“ или тѣлесными. Поэтому обратимся къ цифрамъ, чтобы видѣть, что съ этихъ „душъ“ требуется, что онѣ даютъ, что составляетъ эта дань въ общемъ и чѣмъ можно замѣнить или облегчить ее. Такъ, по нашему округу „души“ обложены по четыремъ статьямъ въ 6 коп., а въ иныхъ округахъ, какъ мы знаемъ, и больше. Самъ по себѣ душевой налогъ составляетъ у насъ, по нашей церкви, приблизительно — $\frac{1}{10}$ всѣхъ налоговъ, т. е. ложась на пудъ взятыхъ свѣчей, сверхъ ихъ стоимости, $50:10=5$ р.; но въ соединеніи съ другими налогами на содержаніе духовнаго училища падаетъ свыше 6 руб. на пудъ. Это значитъ, что покупка свѣчи съ налогомъ на училище обходится нѣсколько болѣе 1 руб. за фунтъ; а мы уже видѣли что не всѣ свѣчи приносятъ въ продажѣ прибыль, иныя-же и вовсе въ продажу не идутъ. Полагаемъ, что по другимъ округамъ картина не легче. Гдѣ-же взять церкви силы для устойчивости предъ полчищемъ налоговъ, превышающихъ ея выручку? А рядомъ съ этимъ есть церкви „бездушныя или малодушныя“, но дѣлающія крупныя свѣчныя обороты; тѣмъ духовное училище почти ничего не стоитъ. Гдѣ же справедливость?

Отсюда ясно, что отжившій, несправедливый способъ налоговой раздѣлки нецѣнимаго — христіанскихъ душъ — долженъ быть безусловно удаленъ, и самое воспоминаніе о немъ забыто; необходимыя статьи по содержанію училища^а разложить соразмѣрно свѣчной операциі, которая составляетъ единственный вѣрный источникъ средствъ большинства церквей, а не души. Кромѣ свѣчныхъ оборотовъ, необходимо обдумать и другіе правильные источники и способы, чтобы взносы не были ни оскорбительны, ни разорительны.

Облегченію налоговой тяжести, невыносимой для бѣдныхъ церквей, существующихъ только свѣчной выручкой, могло бы служить привлеченіе къ участию такихъ статей чистыхъ доходовъ, какъ имѣющіяся у иныхъ церквей, такъ называемыя, статьи оброчныя: церковныя (не ружныя) земли, лавки, наемные дома и т. п. Извѣстно, что въ иныхъ мѣстахъ статьи эти даютъ довольно крупныя цифры. Нужно выяснитъ эту сторону по всей епархіи, привести ее въ точную извѣстность и безобидно примѣнить къ послѣднему уча-

стію въ налоговой цифрѣ для облегченія и спасенія бѣднѣйшихъ церквей отъ неминуемаго полнаго разоренія.

Затѣмъ изъ мѣръ по уравниенію налоговой повинности, проектированныхъ тогда еще и всегда признававшихся строго-законными, необходимо осуществить привлеченіе къ справедливому участию въ общей лептѣ монастырей. Въ силу единства вѣры, народа и задачъ Церкви, монастыри никакъ не могутъ и не должны считать себя особымъ Христіанствомъ въ христіанствѣ, особымъ государствомъ въ государствѣ, особой епархіей въ епархіи. Изъ посланій апостольскихъ мы видимъ, что *все* христіанскія общины призывались къ участию въ обще-христіанскихъ нуждахъ. Изъ исторіи Церкви мы знаемъ многочисленныя свидѣтельства язычниковъ, что христіанскія общины радушно благодворили даже язычникамъ и тѣмъ трогали и побѣждали ихъ. Безъ этого и христіанство—не христіанство; поэтому п «отцураніе» себя отъ участія въ обще-церковныхъ и обще-епархіальныхъ нуждахъ со стороны монастырей было-бы ересью. Неужели православный народъ, духовенство, церкви и содержимыя ими учрежденія—для монастырей хуже язычниковъ и не заслуживаютъ должнаго участія въ ихъ нуждахъ? Въдь людъ крещеный, приводимый въ монастыри вѣрою и обогащающій ихъ, крестится и воспитывается въ вѣрѣ—къмъ и гдѣ? Не приходскимъ-ли духовенствомъ при убогихъ приходскихъ храмахъ, разваливающихся подъ тяжестью непосильныхъ уже налоговъ? При посужденіяхъ по сему предмету тогдаже, при первыхъ проектахъ, и съ тѣхъ поръ всегда и всеми признано, что копѣйка, отнесенная прихожаниномъ въ монастырь, не попадетъ уже въ приходскую церковь. Отсюда, если мы скажемъ, что монастыри содержатся и благоденствуютъ за счетъ нашихъ прихожанъ и церквей,—это не будетъ преувеличеніемъ, такъ какъ не монастыри несутъ средства въ приходы, а приходы монастырямъ; не монастыри даютъ церквямъ прихожанъ, а церкви поставляютъ монастырямъ паломниковъ. Объ этомъ нечего-бы и считать-ся, и дай Богъ монастырямъ существовать и процвѣтать; пусть только они, пользуясь *плодами*, не отгребаются ревниво отъ матеріальнаго участія въ поддержаніи и питаніи *корней*. И въ исторіи нашего государства монастыри были много полѣзны именно участіемъ въ общихъ судьбахъ, въ общемъ дѣлѣ и нуждѣ не твердя: «Имѣй мя

отреченна», «нѣсмь якоже прочіи человѣцы». Что касается формы участія монастырей въ общихъ взносахъ, то она должна быть одинакова со всею епархіальною Церковью, выражаясь въ раскладкѣ на свѣчной оборотъ и оброчныя статьи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ монастыри должны имѣть своихъ представителей въ Епархіальномъ Съѣздѣ, какъ единой цѣльной семьѣ Церкви, которую всячески стремятся теперь разбить совнѣ, и потому разбиваться еще намъ на обусловленные группы и недружелюбные лагеря—не время, было бы преступно и пагубно.

Таковы проектировавшіяся мѣры *пониженія и уравниенія* налоговъ. Теперь скажемъ о мѣрахъ, необходимыхъ для *поднятія* устойчивости церковныхъ средствъ соразмѣрно давленію налоговъ. Говорить объ этомъ придется немного, такъ какъ только одинъ источникъ этихъ средствъ, который всегда можно учесть и на которомъ можно основаться,—это свѣчная выручка. Скажемъ и здѣсь лишь то, что въ свое время проектировалось однимъ уѣздомъ, но осталось неизвѣстнымъ для другихъ: можетъ быть теперь когда платежныя силы еще болѣе ухудшились, и налоги увеличились и нужды церковей дошли до остроты, къ этому примкнуть и другіе уѣзды, и можно будетъ общими силами что-нибудь осуществить.

Всѣмъ извѣстно, что въ прежнее время цифра налоговъ была гораздо меньше, и свѣчи мы брали 18 руб. пудъ; но и въ то время уже было церквамъ нелегко предъ налогами. Для облегченія дѣла, напрягли всѣ силы, устроили свой свѣчной заводъ,—и что же? Свѣчи поднялись въ цѣнѣ прямо почти вдвое, а налоги остались налогами и еще осложнились; тутъ и любая обезпеченная церковь не устоитъ въ балансѣ,—отсюда и кризисъ. Дѣло въ томъ, что при увеличеніи покупной цѣны и налоговой пропорціи на пудъ, продажная разцѣнка сортовъ остается доселѣ низкая, прежняя, и взятый въ складѣ комплектъ свѣчей въ продажѣ не выручаетъ своей стоимости и падающихъ на него налоговъ. Покажемъ это въ цифрахъ:

1 ф.	въ 100	свѣчей по	2 к.	даетъ	2 р.	—
1 ф.	въ 70	„ по	3 к.	„	2 р.	10 к.
1 ф.	въ 40	„ по	5 к.	„	2 р.	—
1 ф.	въ 20	„ по	10 к.	„	2 р.	—

1 ф. въ	8 свѣчей	по 15 к.	даеть	1 р. 20 к.
1 ф. въ	6 „	по 20 к.	„	1 р. 20 к.
1 ф. въ	3 „	по 35 к.	„	1 р. 5 к.
1 ф. въ	2 „	по 50 к.	„	1 р. —

Итого 8 ф., если даже будутъ проданы всѣ, безъ изъятія въ алтарь, паникадила и ставники, (на что мы отчисляемъ огарки), дадутъ выручки 12 р. 55 к., тогда какъ складъ и налоги берутъ отъ церкви за тѣ-же 8 ф., $\frac{1}{5}$ п., 16 р. 80 к.

Поэтому, какъ въ прежнихъ проектахъ, такъ и особенно теперь, мы стоимъ за то, что для подъема убитой свѣчной доходности необходимо увеличить одно изъ двухъ: или продажную разцѣнку сортовъ, или соразмѣрное количество штукъ каждаго сорта въ фунтѣ, съ такимъ расчетомъ, чтобы отъ каждаго фунта церкви хоть что-нибудь оставалось отъ уплаты въ складъ и налоговъ. Разсмотримъ оба предположенія. Объ увеличеніе цѣны спрошенные нами прихожане: какъ они отнеслись-бы къ этому, въ виду вздорожанія на все, въ томъ числѣ и на свѣчи, отвѣтили, что возвышеніе продажной цѣны они признали-бы мѣрою необходимой, соотвѣтственной и, если-бы на это согласились всѣ приходы, они ничего не имѣли-бы противъ этого; вводить-же это только у себя они считаютъ обиднымъ. Посмотримъ, что дала-бы эта мѣра въ выручкѣ:

1 ф. въ	100 шт.	вмѣсто 2 к.	по 3 к.	дасть	3 р. —	} Дороже на 1 к.
1 ф. „	70 „	„ „	3 к. „ 4 к.	„	2 р. 80 к.	
1 ф. „	40 „	„ „	5 к. „ 6 к.	„	2 р. 40 к.	
1 ф. „	20 „	„ „	10 к. „ 15 к.	„	3 р. —	
1 ф. „	8 „	„ „	15 к. „ 30 к.	„	2 р. 40 к.	
1 ф. „	6 „	„ „	20 к. „ 40 к.	„	2 р. 40 к.	
1 ф. „	3 „	„ „	35 к. „ 80 к.	„	2 р. 40 к.	
1 ф. „	2 „	„ „	50 к. „ 1 р.	„	2 р. —	

Итого 8 ф. могутъ дать 20 р. 40 к., справедливо оставивъ на нужды церкви отъ покупки и налоговъ 3 р. 60 к., --цифра не-ахти какая. Такъ что къ этой мѣрѣ, по общему согласію и постановленію перейти можно-бы. Правда, крупныя сорта стануть значительно дороже, да для нашихъ прихожанъ это безразлично, такъ какъ эти сорта у насъ вовсе не идутъ въ продажу. Была когдато ходкая свѣча въ 1 к., но съ открытіемъ завода выдѣлка ея прекращена, и

противъ этого никто у насъ въ приходахъ и спорить не сталъ. Брдетъ-ли такъ и съ 2-хъ коп. свѣчей, если обратиться въ 3-хъ коп. и т. д.,—береть раздумье: вѣдь у народа копѣйка ограничена, и у кого есть только 2 коп., онѣ не превратятся *по постановленію* въ 3.

Поэтому мы находимъ болѣе удобною и болѣе покойную вторую мѣру,—уменьшеніе формата для увеличенія штукъ въ фунтъ.

Вмѣсто	100	шт.	поставить	150	по	2	к.	=	3	р.
"	70	"	"	100	по	3	к.	=	3	р.
"	40	"	"	60	по	5	к.	=	3	р.
"	20	"	"	30	по	10	к.	=	3	р.
"	8	"	"	15	по	20	к.	=	3	р.
"	6	"	"	10	по	30	к.	=	3	р.
"	3	"	"	5	по	50	к.	=	2	р. 50 к.
"	2	"	"	3	по	80	к.	=	2	р. 40 к.

Итого за 8 фун., не нарушая цѣны самыхъ ходкихъ сортовъ, можетъ получиться 22 руб. 90 к., изъ коихъ за вычетомъ на покунку и налоги (16 р. 80 к.) останется церкви 6 р. 10 к., т. е. на пудъ 30 р. 50 к., а на 6 годичныхъ пудахъ всего 180 руб. на содержаніе и поддержаніе церкви безъ распинанія каждый разъ для этого народа и безъ рискованыхъ эксцентричностей, въ родѣ „возвратныхъ“ свѣчей, утайки „душъ“ и „темныхъ“ суммъ, а честно и правдиво, что только и желательно въ церковномъ дѣлѣ.

Правда, цифры въ приведенныхъ примѣрахъ мы поставили по своей церкви и нѣсколькимъ знакомымъ, но полагаемъ, что и многія другія церкви обставлены тоже „наподобень“, а потому имѣемъ основаніе думать, что цифры эти въ общемъ недалеки отъ истины.

Правда и то, что, сортовой и разцѣнный подборъ нами проставленъ соразмѣрно съ нынѣшними, падающими на церковь, налогами; если же общую цифру ихъ будетъ возможно понизить, а остальные уравномѣрить правильно разверсткою, то подъемъ количества въ фунтъ или разцѣнки можетъ быть сдѣланъ болѣе легкой. Но во всякомъ случаѣ уравненіе свѣчной выручки съ ихъ стоимостью и налогами является дѣломъ правдивости и необходимости.

Окончивъ изложеніе этихъ мѣръ, вызываемыхъ положеніемъ церквей, доступныхъ нашему разумѣнію, мы считаемъ программу нашей записки о состояніи церкви въ концѣ года оконченной. Мы изложили тѣ факты, цифры, документы, воспоминанія и наблюденія по сему предмету, какими обладали. Если другіе сдѣлаютъ больше,—это послужитъ только благу Церкви, во имя котораго и мы дѣлились этими строками.

Пусть-же отцы и пастыри Церкви, вниманію которыхъ посвящается наша скромная работа, безъ всякаго желанія кого либо лично огорчить, на благочинническихъ и уѣздныхъ собраніяхъ и Епархіальномъ Съѣздѣ обсудятъ положеніе церквей подъ тяжестью налоговъ и, что возможно, сдѣлаютъ для ихъ облегченія. Главное—не ожидать для этого особыхъ предписаній: нынѣшнія условія Православной Церкви, храмовъ и паствъ требуютъ отъ всѣхъ насъ дружной работы настойчивѣе всякихъ бумажныхъ приглашеній.

Конечно, въ дѣлѣ церковномъ не одна только матеріальная сторона храмовъ требуетъ нашихъ мѣропріятій, но дѣло въ томъ, что убожество храмовъ, вызываемое непомѣрными налогами на-сторону, слишкомъ бьетъ народу по сердцу и достаткамъ, а это у него—наиболѣе чувствительная уязвимая сторона, на которой скорѣе всего возможны всякія извращенія пониманій Церкви и отношеній къ ней. Вотъ почему мы изъ опыта признаемъ, что за улучшеніе налогового дѣла необходимо серьезно приняться въ ближайшую очередь.

Если бы кто признавалъ иное, что налоги теперь ничтожны, организациа ихъ правильна, уменьшать не нужно, а увеличивать до безпредѣльности можно, и самое обсужденіе ихъ—неумѣстной дерзостью, тѣхъ мы, вмѣсто всякаго отвѣта, отсылаемъ къ II кн. Паралипомен., гл. 10.

Не въ крупныхъ только взносахъ заключается неправильность и тяжесть ихъ, но даже и въ мелкихъ, и въ самыхъ способахъ взыскапія ихъ. Напр. § „пожертвованій при крещеніи „младенцевъ“. Почему же и *не взрослыхъ*, принимающихъ христіанство? Сборъ этотъ раньше назывался „за крестики“. Такъ какъ никто для возложенія не давалъ крестиковъ, то священники покупали ихъ на свои средства, и выходило: плати при покупкѣ, плати за возложеніе, плати

за пересылку платы. Поэтому въ докладахъ прежнихъ лѣтъ была выставлена неумѣстность этого пункта и даже самаго названія его. Теперь пунктъ оставленъ въ силѣ, а названіе дано „пожертвованій при крещеніи“. Кому-же неизвѣстно, что этихъ жертвованій никогда не бываетъ, и привлечь къ нимъ младенцевъ невозможно, а кумъ, давая пятакъ за требу, грубо доказываетъ, что „больше не полагается“? Что возражать ему, и что выдѣлять изъ причтоваго пятака въ жертвованіе? А жертвованій иные о. о. благочинные требуютъ больше дѣйствительно поступившихъ.

Изъ числа примѣровъ, иллюстрирующихъ положеніе, приводимъ такой: По производствѣ одного изъ безконечныхъ сборовъ жертвованій оказалось нѣсколько копѣекъ, которыя и были отправлены о. благочинному. Нарочный проходивши туда и обратно, принесъ деньги назадъ съ запискою, въ коей внушительно ставилось на видъ, что менѣе рубля представлять нельзя, и требовалось, добавивъ къ сбору церковными, снова доставить немедленно. Случилось, что предъ этимъ староста отвезъ за свѣчи всѣ до копѣйки; поэтому пришлось повытрясать гроши изъ кружекъ и отправить. Тутъ новая претензія и рѣзкій крикъ: „зачѣмъ принесъ мелкими монетами?“ Какъ будто мелкія монеты—не государственныя и не имѣютъ платежной силы. А былъ уже вечеръ. Куда идти въ чужомъ селѣ на поиски обмѣна?

Кому-же не видно, не понятно, что настало время, когда подобныя требованія и приемы должны быть рѣшительно сданы въ археологію, иначе мы помимо внѣшнихъ гонителей сами будемъ гнать Церковь Божию такими мѣрами, предъ которыми всѣ труды миссіонеровъ безплодны. Не то время, не то положеніе Православія, не то настроеніе народа, не тѣ права перехода куда угодно, чтобы можно было не обращать на все это серьезнаго вниманія и не принимать дѣловыхъ соотвѣтственныхъ мѣръ. Правда, отдѣльныя цифры и факты иногда мелки, но изъ мелкихъ нитей соткано и все налоговое дѣло, которое такъ необходимо поставить на прямой, свѣтлый, гуманный путь, чего не могутъ отъ всей души не желать всѣ пастыри.

Нынешняя система налоговъ, раскладокъ и взысканій долго не выдержитъ, и чѣмъ скорѣе ее улучшить, предупредить вредныя послѣдствія, тѣмъ благотворнѣе.

Наша пастырская задача предъ лицомъ вѣчности—приготовлять и вести къ ней свои паствы; поэтому всякое облегченіе насъ отъ лишнихъ изысканій, взысканій, счетовъ и „представленій“ дастъ намъ возможность съ большею искренностію, полнотою души и благоплодностію совершать свое служеніе въ богомыслии, молитвѣ и благовѣстіи.

Вотъ что выносится изъ положенія церкви въ концѣ года!

Только что окончилась эта записка, вошелъ разсылной о. Благочиннаго съ предложеніемъ: вручить 50 к. за листъ и поусердствовать въ сборахъ на Миссіонерство, эпилептиковъ, храмъ въ Москвѣ, „св. Градъ“. Пошло опять на цѣлый годъ, и опять будетъ то же въ концѣ года.

Пришла недѣля Православія, а съ ней и требуемый сборъ. Въ храмѣ: 2—3 старика, столько-же парней на клиросѣ, нѣсколько матерей, принесшихъ къ концу Литургіи младенцевъ для Причащенія, душъ 5 школьниковъ — и никого больше, словно убоялись сбора. Съ кого тутъ собирать? Что дастъ и станетъ ли силы въ душѣ производить этотъ сборъ? Собирая на привлеченіе чужихъ, не разгонимъ-ли мы сборамъ своихъ?—вотъ тяжелая дума...

Священникъ *Василій Романовъ*.

Архистратигио Михайловская церковь села Комаровки Кобелякскаго уѣзда и ея приходъ.

(*Историко-Статистическій очеркъ*)

(Продолженіе).

Церковнослужители.

О церковнослужителяхъ Комаровской церкви еще меньше можно сказать, чѣмъ о священнослужителяхъ. По церковнымъ документальнымъ книгамъ можно узнать фамиліи ихъ и только за нѣкоторыхъ—тощія формулярныя свѣдѣнія и то не раньше 1803 года. Съ 1803 по 1812 годъ—дьячекъ Федоръ Сребницкій. Съ 1812 по 1820 годъ—дьячекъ

Иванъ Любивою. Съ 1820 по 1838 годъ—Аристархъ Сергіевъ Сидоренко „священнической сынъ, въ семинаріи не обучался, 34 лѣтъ, чтеніе и пѣніе довольно знаетъ,*). Съ дьячкомъ Сидоренко съ конца 1828 по 1837 годъ служилъ діаконъ Александръ Ивановъ Лебединскій „протоіерейскій сынъ, по исключеніи изъ высшаго отдѣленія полтавскаго уѣзднаго училища, 1825 года октября 24 дня опредѣленъ дьячкомъ къ Кобелякской Преображенекой церкви, а 26 сентября 1828 года рукоположенъ въ санъ діакона къ Комаровской Михайловской церкви. Чтеніе, пѣніе и катихизисъ довольно знаетъ, поведенія изряднаго**). Въ „Церковной описи“ за 1827 годъ нашли копію съ документа въ формѣ дарственной записи. Этотъ документъ проливаетъ яркій свѣтъ на быстрое, сравнительно, возвышеніе дьячка Лебединскаго до діаконскаго сана. Какъ видно изъ этого документа, дѣдушка діакона Лебединскаго, протоіерей Леонтій Сребницікій и мать, вдова протоіерея Іоанна Лебединскаго, узнавши, что внукъ перваго и сынъ второй, Александръ Ивановъ Лебединскій испросилъ „по резолюціи Его Преосвященства Георгія Епископа Полтавскаго и Переяславскаго свидѣтельство на вступленіе въ законный бракъ и имѣть промацію во діакона въ селеніе Комаровку къ Михайловской церкви“, пожертвовали „въ церковную той Михайловской церкви ругу для пользованія священно и церковнослужителей 12¹/₂ десятинъ и 175 квадр. саж. и ежели удостоенъ будетъ дьячекъ Александръ Лебединскій сана діаконскаго къ Комаровской Михайловской церкви, то означенная земля вѣчно въ ругу показанной церкви отъ насъ жертвуется; въ тотъ на семъ и подписомъ нашимъ при свидѣтеляхъ удостовѣряемъ“. Слѣдуютъ подписи жертвователей и свидѣтелей, мѣстнаго священника и церковнаго старосты. „Пожертвованный актъ сей“ завѣренъ и благочиннымъ, протоіереемъ Григоріемъ Костенко. Діаконъ Лебединскій умеръ въ санѣ священника.

Съ 1838 года по 1842 былъ діаконъ Викторъ Семеновъ Зубковскій, уволенный „изъ низшаго отдѣленія Полтавской семинаріи“. Зубковскій, 22-хъ лѣтъ отъ роду, Епископомъ Гедеономъ рукоположенъ въ санъ діакона, впоследствии былъ священникомъ. Съ діаконемъ Зубковскимъ служилъ

*) Клиров. Вѣдом. за 1835 г.

*) Ibidem.

„стихарный дьячекъ“ Сергій Саввинъ Головковъ, „въ семинаріи не обучавшійся“.

Съ 1843 года „діаконское мѣсто, за выбытіемъ діакона Зубковскаго, предоставлено за сиротою дочерью умершаго священника Григорія Ленина“. Фактически же это мѣсто занималъ „стихарный дьячекъ“ Кондрать Ѳеодоровъ Ващинскій, умершій въ 1845 году. Съ Ващинскимъ служили дьячекъ Василій Никитинъ Могилевскій и пономарь Арсеній Ѳеодоровъ Лыщинскій, о которомъ въ „Клировой вѣдомости“ за 1843 годъ на мѣстѣ подписи священно-церковнослужителей рукою настоятеля отмѣчено: „пономарь писать не можетъ“. По смерти Ващинскаго, съ 1845 года при церкви оставался одинъ дьячекъ, Василій Могилевскій и пономарь „Михайло Антоновъ Даровскій, въ семинаріи не обучавшійся“*), но все-таки писать умѣвшій, какъ показываетъ собственноручная его подпись въ концѣ „клировой вѣдомости“ за 1845 годъ. Дьячекъ Могилевскій въ 1845 году утонулъ въ р. Ворсклѣ, какъ передають старожилы, во время рыбной ловли, а пономарь Даровскій служилъ до 1865 года. Въ двадцатилѣтній періодъ службы пономаря Даровскаго сослуживцами его были слѣдующіе дьячки по смерти Могилевскаго: съ 1855 года по 1858 „указный дьячекъ Стефанъ Афанасіевъ Радченковъ“, съ этого и по 1863 годъ „указный дьячекъ“ Іоаннъ Евсегніевъ Гамагинъ“ и „стихарный дьячекъ Григорій Александровъ Пясецкій“ до 1865 года. За Радченкова не имѣется никакихъ свѣдѣній. Гамагинъ, какъ видно изъ „клировой вѣдомости за 1858 годъ“, „окончилъ положенный курсъ Полтавскаго Причетническаго класса и былъ причисленъ къ 1-му разряду Полтавскихъ Духовныхъ училищъ воспитанниковъ“. Умеръ въ 1900 году въ санѣ священника, награжденный за усердную и полезную пастырскую дѣятельность скуфіей, состоя настоятелемъ Пантелеймоновской церкви села Драбиновки, Кобелякскаго уѣзда, на 60 году жизни. Пясецкій—„священнической сынъ, исключенный изъ 2 класса Полтавскихъ духовныхъ училищъ“*). Умеръ заштатнымъ дьячкомъ у родственниковъ своихъ въ Екатеринбургской епархіи.

*) Клиров. Вѣдом. за 1847 г.

*) Клиров. вѣдом. за 1864 г.

Съ 1865 года по 1875—„дьячекъ Оеодоть Титовъ Литовченко, пономарскій сынъ, исключенный изъ Полтавскихъ Духовныхъ училищъ“. По отзѣву о. благочиннаго „читаетъ и поетъ порядочно. Катихизисъ понимаетъ“.) Пономарями при немъ были: Въ 1865 году „Петръ Алексѣевъ Рошановскій, дьячковскій сынъ, окончилъ Причетническіе классы въ Полтавѣ“. Съ 1866—1868 годъ—Викторъ Викторовъ Зубковскій, «въ семинаріи не обучался». Съ 1866—1870 годъ—«Оеодоръ Стефановъ Басовичъ, дьячковскій сынъ, въ училищахъ не обучался», но, какъ отзывался о немъ благочинный, «читаетъ и поетъ порядочно. Катихизисъ учить.»¹⁾ Съ 1870—1871 годъ—Михаилъ Іосифовъ Григоренко «дьячковскій сынъ, въ духовныхъ училищахъ не обучался». Съ 1871 года «пономарское мѣсто закрыто».²⁾

Съ 1875 года по 1882 годъ—«исправляющій должность псаломщика Оеодоръ Александровъ Лебединскій, сынъ священника, обучался въ Полтавскихъ духовныхъ уѣздныхъ училищахъ, гдѣ оные и покончилъ». Мѣстный благочинный въ первые годы службы Лебединскаго отзываеся о немъ въ «Клировыхъ вѣдомостяхъ»,—«читаетъ и поетъ хорошо, катихизъ понимаетъ,» въ послѣдній же годъ службы Оеодора Александровича тотъ же о. благочинный нашель, что испр. должность псаломщика Лебединскій читаетъ и поетъ посредственно, а катихизъ мало знаетъ.»*) Лебединскій въ настоящее время—діакономъ при Преображенской церкви г. Кобелякъ.

Съ 1882—1888 годъ—діаконъ Іосифъ Семеновъ Гудилловъ, «діаконскій сынъ, уволенный не по состоянію отца изъ вышшаго отдѣленія уѣзднаго училища»*). Благочинный отзываеся о немъ «похвально:» «читаетъ и поетъ похвально, катихизъ понимаетъ»¹⁾ Съ 1888—1893 годъ—псаломщикъ Павелъ Григоріевъ Гординскій, «уволенный по болѣзни изъ 1 класса Кобелякскаго уѣзднаго училища и состоявшій съ

*) Клиров. вѣдом. за 1870 г.

1) Ibidem.

2) Клиров. 1871 г.

*) Клиров. вѣдом. 1881 г.

*) Клиров. вѣдом. 1881 г.

1) Ibidem 1885 г.

1874 по 1878 годъ въ Полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ послушникомъ, гдѣ и обучался чтенію, пѣнію и церковному уставу.»¹⁾ Уровень псаломщицкой подготовки Гординскаго благочинный изъ года въ годъ въ «Клировыхъ вѣдомостяхъ» отмѣчаетъ: «читаетъ и поетъ хорошо, катихизисъ учить», и только въ 1890 году свидѣтельствуешь, что Павелъ Григоріевъ «катихизъ знаетъ».

Съ 1893 по 1897 годъ—псаломщикъ Теофилъ Ивановъ Лебединскій, сынъ священника родился въ мѣстечкѣ Царичанкѣ при Николаевской церкви, воспитывался въ домѣ отца, читаетъ и поетъ порядочно, катихизисъ учить, письменоводствомъ занимается. Должность свою не всегда исполняетъ аккуратно.*)

Съ 1897 по 1898 годъ—діаконъ Александръ Іоанновъ Александровичъ, «сынъ псаломщика, уволенъ по прошенію изъ высшаго отдѣленія Лубенскаго духовнаго училища, чтеніе, пѣніе и катихизъ знаетъ, письменоводствомъ занимается. Поведенія очень хорошаго. по должности исправенъ».²⁾

Съ 1898 года по настоящее время—псаломщикъ Михаилъ Григоріевъ Верховскій, «сынъ священника, окончилъ полный курсъ наукъ въ Полтавскомъ духовномъ училищѣ».³⁾ Псаломщикъ Верховскій по службѣ весьма исправенъ и отлично знаетъ свое дѣло, съ особеннымъ усердіемъ относится къ церковному пѣнію и, какъ знатокъ пѣнія и искусный регентъ (бывшій архіерейскій пѣвчій), устроилъ довольно стройный церковный хоръ изъ мужскихъ и женскихъ голосовъ. Ревность Михаила Григорьевича въ руководствѣ хоромъ тѣмъ болѣе цѣнна и заслуживаетъ полнѣйшаго и справедливаго одобренія, что она самоотверженна и совершенно безкорыстна.

Съ 1877 года на пономарское мѣсто сверхъ штата былъ опредѣленъ исправляющій должность псаломщика Григорій Ивановъ Сребницкій, который, «въ училищахъ не обучался и, по отзыву благочиннаго, читаетъ и поетъ плохо, катихизиса не знаетъ.»*) Умеръ 25 января 1902 года, состоя на должности.

¹⁾ Ibidem 1888 г.

*) Клиров. вѣдом. 1893 г.

²⁾ Клиров. вѣдом. 1897 г.

³⁾ Клиров. вѣдом. 1889 г.

*) Клиров. вѣдом. 1878 г.

Съ 1902 года по 1904 пономарскія обязанности исполнялъ и. д. сверхштатнаго псаломщика Данииль Григоріевъ Сребницкій, совершенно почти безграмотный. Въ 1905 году второе псаломщицкое мѣсто по распоряженію Святѣйшаго Синода закрыто, пономарскія же обязанности исполняетъ одинъ изъ сторожей.

Средства содержанія причта.

Причтъ Архистратиго-Михайловской церкви села Комаровки до 1844 года «постояннаго оклада ни откуда не получалъ, пользовался отъ ружной земли (32 десятины пахатной) и отъ прихожанъ за исправленіе требъ добродѣтельнымъ подаваніемъ, содержаніе посредственное.»¹⁾ Съ 1844 года, кромѣ руги и «добродѣтельныхъ подаваній», «на содержаніе священно и церковно-служителей получалось жалованье по штату 5 класса-священнику 120 р., дьячку 36 р., пономарю 30 и просфирнѣ 16 р. а всего 202 руб. серебромъ; содержаніе ихъ достаточно.»²⁾ Съ 1871 года пономарское мѣсто закрыто. Съ этого времени въ „Клировыхъ вѣдомостяхъ“ изъ года въ годъ о содержаніи причта дѣлается отмѣтка: „посредственное“.

Съ 1903 года священникъ получаетъ 300 р. жалованья, а псаломщикъ—100 руб. Ближайшимъ поводомъ къ ходатайству объ усиленіи жалованья причту послужило значительное сокращеніе прихода и притомъ лучшей его части въ матеріальномъ отношеніи, благодаря массовому отчисленію болѣе зажиточныхъ хуторянъ къ Преображенской Ивановской (Миркаловка) церкви. Отчисленіе хуторовъ отъ Комаровской церкви было въ высшей степени иррациональное, не смотря на то, что особая коммиссія на мѣстѣ разслѣдовала, какимъ хуторамъ удобнѣе оставаться въ приходахъ Комаровской церкви, а какимъ лучше войти въ составъ Ивановскаго прихода. Критеріемъ раздѣла служилъ единственно матеріальный цензъ хозяевъ: кто подостаточнѣе, тотъ приписывался къ Ивановской церкви, а рядомъ же живущая бѣдность оставалась въ Комаровскомъ приходѣ. Фактическимъ слѣдствіемъ такого ненормальнаго раздѣла хуторовъ оказалось совершенное отчужденіе хуторянъ отъ Комаровской

¹⁾ Клиров. вѣдом. 1843 г.

²⁾ Ibidem 1845 г.

церкви, такъ какъ богатые „отписались“, а бѣдные, за неимѣніемъ лошадей, не имѣють возможности посѣщать сравнительно отдаленную отъ нихъ приходскую церковь. Какъ на иллюстрацію къ такому странному раздѣлу хуторовъ, принадлежавшихъ раньше къ Комаровкѣ, укажемъ на затрудненіе одного Комаровскаго священника, посѣщавшаго первый разъ хуторянь „съ молитвой“. „Я, передавалъ этотъ священникъ, никакъ не могъ оріентироваться, въ какую хату мнѣ заходить „съ молитвой“, не смотря на руководство довольно ознакомленнаго съ раздѣломъ хуторовъ проводника. Чуть не въ каждой хатѣ приходилось спрашивать: „вы Комаровскіе или Миркаловскіе?“ На какой вопросъ часто слышалось: „були колись ваші, а теперъ Мыркаливскі“. Наконецъ, одинъ сострадательный старикъ, видя блужданіе мое по „чужимъ хатамъ“, указалъ на вѣрнѣйшій признакъ узнавать „своихъ“ прихожанъ, не заходя въ хату и „не гвалтуя чужихъ собакъ:“ „Ото, батюшка, дивится де хутіръ побільше, та де клуня здорова и коморы е, та де великі ожереды соломы, та высокій журавель біля колодязя, то ото не ваши (воны колысь булы й ваші, та теперъ ні); а де хатка набікъ і біля хати нема нічого, хіба повіточка для курей, то туди йдіть сміло, бо то ваши, а хоть Комарівські“.

Не будемъ говорить о тѣхъ физическихъ и особенно моральныхъ страданіяхъ, какія приходится испытывать причту, при посѣщеніи домовъ прихожанъ „съ молитвой“, „съ крестомъ“, „съ кропиломъ“, „за роковымъ“ и т. п., такъ какъ это—общій фонъ печальной картины самообезпеченія духовенства; скажемъ только, что въ Комаровскомъ приходѣ эти посѣщенія, въ смыслѣ матеріальной продуктивности, слишкомъ малопродуктивны и въ то же время ложатся тяжелымъ бременемъ и для большинства прихожанъ, а для нѣкоторыхъ являются и вовсе нежелательными, какое настроеніе побуждаетъ послѣднихъ подъ разными предлогами, до прятанья въ укромныхъ мѣстахъ включительно, избѣгать приёма причта въ своихъ домахъ. По своей неблагоприятности, главной цѣли и необходимой посѣдности, эти посѣщенія малоцѣнны и въ отношеніи нравственно-религіознаго воздѣйствія пастыря на души прихожанъ.

Даже съ назначеніемъ усиленнаго жалованья, матеріальное содержаніе причта Комаровской церкви далеко нельзя

назвать „достаточным“, вслѣдствіе крайней бѣдности прихожанъ.

До 1882 года причтъ жилъ въ собственныхъ домахъ, а съ этого времени—священникъ—въ „общественномъ“ домѣ, бывшей когда-то волости, а псаломщикъ помѣщается „въ церковномъ“ домѣ. Въ 1899 году для священника приобрѣтена усадьба въ 1 десятину и устроенъ на ней домъ подъ желѣзомъ съ необходимыми при немъ службами.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ВНИМАНІЮ СТРОЯЩИХЪ НОВЫЯ ЦЕРКВИ!

При магазинѣ церковной утвари Елены Григорьевны Невѣжиной, подъ фирмою „Дм. Ив. Невѣжинъ“, Кіевъ, Подоль, Гостинный рядъ, № 44, открыто специальное отдѣленіе по изготовленію **ИКОНЪ, КІУТОВЪ И ИКОНОСТАСОВЪ**, всѣхъ стилей и рисунковъ.

Принимаются заказы по росписи церквей, реставраціи старой и написаніи новой живописи.

Чертежи и рисунки могутъ быть высылаемы вмѣстѣ со смѣтой по требованію причта, попечительствъ или обществъ, за подписью таковыхъ, съ приложеніемъ надлежащей печати, **ТОЛЬКО** для **ОБОЗРѢНІЯ**, съ обязательствомъ требовавшихъ возвратить ихъ обратно, причемъ необходимо указывать возможно подробныя свѣдѣнія о размѣрахъ иконостаса и о суммѣ, ассигнованной на него.

Въ случаѣ необходимости для принятія заказовъ посылается довѣренное лицо за счетъ фирмы.

Лучшей гарантіей добросовѣстнаго исполненія заказовъ служитъ имя моей фирмы, снискавшей себѣ за свое долготѣнее существованіе много благодарностей.

Цѣны дешевыя. Допускается разсрочка платежа.

Пріємъ заказовъ на всевозможныя церковныя вещи и колокола.

Адресъ для писемъ: Кіевъ, Подоль, Гостинный дворъ, № 44, магазинъ церковной утвари Елены Григорьевны Невѣжиной.

Для телеграммъ: Кіевъ, Подоль, Невѣжину.

Прекрасный случай для сельскихъ церквей имѣть академическую живопись. Ученикъ Императорской Академіи Художествъ, имѣющій большой отзывъ въ религіозной живописи, желая пробыть весну и лѣто въ Малороссіи, предлагаетъ о.о. священникамъ свой трудъ, по написанію иконъ и стѣнной росписи церквей за умѣренное вознагражденіе. За исполненіе работъ имѣю отъ г.г. заказчиковъ благодарности и похвальныя отзывы въ газетахъ и журналахъ, которыя могу представить желающимъ сдѣлать мнѣ заказъ. СПБ. Васильевскій Ос. 6 л. д. 29, кв. 13 Художнику №.

Къ осеннимъ экзаменамъ на священника, діакона, псаломщика и учителя ц.-прих, школъ готовятъ студенты М. Θ. Матвѣевскій, Г. М. Сѣвницкій и Д. М. Ломакинъ.

Занятія групп., нач.—10 іюня, Полтава, Ивановская, 38.

СОДЕРЖАНІЕ: I.—Поученіе въ недѣлю Свв. Жень-муносоиць.—II. Н. В. Гоголь (1809—1809). Критико-біографическій очеркъ.—III. Въ концѣ года.—IV. Архистратига—Михайловская церковь села Комаровки, Кобелякского уѣзда и ея приходъ.—V. Объявленія.

Редакторы, преподаватели семинаріи: | В. Терлецкій.
| В. Конопатовъ.

Печат. съ разр. мѣстн. дух. цензуры 20 апрѣля 1909 г.

Полтава, Типогр. Торговаго Дома И. Фришберъ и С. Зороховичъ.

✓

